

НЕОТЛОЖКА ДЛЯ КОШКИ

Рождественская история

Рождество у меня почему-то всегда оказывается прочно связано с кошками. Нельзя сказать, что я прямо-таки пылаю любовью к этим созданиям. Более того – когда-то убеждена была, что не место им в моем доме. Лишние хлопоты, лишние – пусть и малые – но расходы, шерсть опять-таки же повсюду.

Первая кошка появилась в доме под Рождество по необходимости. Вместо подарка под елочкой у нас вдруг обнаружилась мышь. Живая донельзя. Жуть просто! Визгом-писком своим переполошила я не только домочадцев, но и всех соседей. Муж срочно был заслан в поход по магазинам в поисках капкана. Коего, конечно же, не нашел. Вместо него принес дрожащий серенький комочек, авторитетно заявив: «Ничего, что мала. Главное – кошкой будет пахнуть, мыши уйдут». Из двух зол выбирают меньшее.

Так появилась первая Муська (все последующие по традиции наследуют это имя). Чего только не довелось ей вытерпеть, бедной. Дети были тогда малые, бестолковые. То дверь прихлопнут, то доску чертежную уронят на страдалицу...

Но рассказать хотелось бы сегодня о Муське-второй. Премилое было создание. Пушистая блондинистая сиамочка. Дети от нее были без ума, и даже мое сердце дрогнуло, приняв эту изящную «французенку». Один изъян был у нее – грыжа. Которая росла вместе с Мусьеной.

И вот в один прекрасный день, когда до зарплаты еще далеко, а кошелек, по случаю только что прошедшего Нового года, совсем пуст, на работе у меня раздается телефонный звонок. Дочь радостно вопит: «Мама, мы Муське операцию сделали! В ветлечебнице. За 150 рублей. Ты вечером 100 отдай соседям – мы у них заняли. А остальные – свою копилку вскрыли».

Что сделано – то сделано. С миру по нитке – с коллег по копейке – собираю сотню, копя праведный гнев на отпрысков. Прихожу домой и забываю «как зла я, как зла». Картина: кошка, вся перебинтованная, спит, жалобно всхлипывая, дети в благоговейном молчании сидят рядом. На скрип двери синхронно оборачиваются и яростно шипят мне: «Тс-с-с! Она под наркозом еще!». Вытолкав меня в прихожку, взхлеб объясняют, что врач дала 2 ампулы – димедрол с анальгином – и велела в 12 ночи, когда наркоз начнет проходить, сделать укол.

Проникаюсь. Сажусь в ряд с детьми. Жалко кошку. Жалко сына с дочерью: глаза их наполнены вселенской скорбью и состраданием... Ждем. И вот наша Муська как-то особо тяжело вздыхает, открывает глаза – мутные какие-то, пьяные – пытается встать и тут же валится на бок. И начинает плакать. Дети суют мне в руки шприц с ампулами: «Давай, мама, ставь укол!». Я – укол? Господи, сроду этого не делала. Да еще кошке. Куда ей колоть-то? Тихая паника.

Зовем соседку Оксану. Та почти как медсестра уже: отец безнадежно болен, живет на уколах. Наловчилась. Приходит, набирает в шприц димедрол, берет ампулу с анальгином и... О, горе, та разлетается на мелкие осколки. Немая сцена. И вслед – какофония. Стонет-плачет кошка, захлебывается рыданиями дочь, сын начинает тихонько поскуливать. Дурдом. Слов утешения не слышат: «Мама, сделай что-нибудь! Помоги Му-у-усе!». Соседка Оксана говорит: «Слушайте, у меня есть реланиум, если бы знать, какую дозу надо вводить кошке,,»». Вмиг воцаряется тишина, в глазах – надежда.

- Сейчас узнаем, - решительно заявляю я, твердой рукой набирая «03».

- Скорая? Девочки, проконсультируйте, пожалуйста. У нас кошке сделали операцию...

- КОМУ???

- Кошке. Так вот...,- тороплюсь, боясь услышать короткие гудки, объяснить ситуацию. На том конце провода повисает молчание. Наконец обалдевший диспетчер переспрашивает:

- Еще раз: кому сделали операцию?

- Кошке, - обреченно повторяю я.

И вновь – молчание. А затем:

- Подождите, я доктора позову.

Жду. Потом по новой начинаю объяснять доктору. Так же зависает молчание. Всем нутром ощущаю, как напряженно ворочаются мозги у ошалевшего доктора. Спрашивает:

- Так чего вы хотите?

- Я уже сказала: узнать дозу реланиума.

- Зачем?

- Кошечка плачет, ей больно.

- Ну, поплачет и перестанет.

- Дети плачут, им кошку жалко.

- Говорите адрес.

Теперь обалдеваю я. Теперь мои мозги плавятся:

- Вы что, приедете?

- Адрес, женщина, говорите! - требовательно рявкают на меня.

Говорю. Бережно укладываю трубку на рычаг, оборачиваюсь к ожидающим детям и тут на меня накатывает идиотский смех. Давясь им, делаю попытки рассказать подробности. В ответ – вначале робкие улыбки на родных мордашках, затем – неуверенное хихиканье и вот уже все мы держимся за животы. И тут раздается звонок в дверь. Открываю – доктор. Настоящий. В белом халате, с чемоданчиком, в очках. И пяти минут не прошло после телефонного общения. Деловито отодвигает меня в сторону:

- Где больная?

- У нас к кошечка, - заикаясь, лепечу я.

- Знаю, что кошечка. Где она? ... Так-так... Возраст? Вес? – он ловко осматривает враз притихшую Муську, достает фонендоскоп...

Это было нечто! Дети мои, замороженные, не спускают глаз с доктора, не замечая меня, дают исчерпывающую информацию о Муське. Бережно принимают из его рук пустые ампулы и использованный шприц, выслушивают наставления и торжественно провожают потом до двери...

... Может, и вправду Рождество – особый праздник? Когда сказка оказывается былью и когда рядовой врач «Скорой помощи» превращается в настоящего доброго доктора Айболита? И когда каждой клеточкой ощущаешь и понимаешь, что вот она – твоя СЕМЬЯ, где боль и радость каждого – общая.

И вот вновь – Рождество. Возле меня уютно свернулась клубком Муська-третья, такая же блондинистая сиамка. Но уши у нее напряжены: чутко ловит все звуки, готовая вскочить при первом писке и мчаться к своим детенышам. А те, месячные, мирно посапывают в своем домике. Такие теплые, пушистые и милые – как символ домашнего уюта, символ рождественской сказки. Для меня, по крайней мере.